

На правах рукописи

ШЕЙКО Дарья Владимировна

**ФЕНОМЕН СПЛЕТНИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ:
КОГНИОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ставрополь – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

**Научный
руководитель**

доктор филологических наук, профессор
Грязнова Виолетта Михайловна

**Официальные
оппоненты:**

Исаева Лидия Алексеевна
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
заведующий кафедрой современного русского языка

Алещенко Елена Ивановна
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет», профессор
кафедры русского языка и методики его преподавания

**Ведущая
организация**

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский
государственный университет»

Защита диссертации состоится 29 октября 2019 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 212.245.13 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корп. 20, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, http://www.ncfu.ru/export/uploads/dokumenty-dissertacii/disser_dv_sheiko.pdf

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ: http://www.ncfu.ru/export/science/dissertacionnye-sovety/obyavleniya-o-zaschite-dissertaciy/eiko-dar_ua-vladimirovna-00001/

Автореферат разослан «16» сентября 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

С.Н. Бредихин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Феномен *сплетни* принадлежит к кругу явлений, занимающих важное место в социокультурной практике, т. к. входит в зону повседневно совершаемых коммуникативных действий, имеющих повсеместное распространение и характеризующихся высокой вариативностью в процессе реализации конкретных текстовых порождений. Изучением этого явления занимаются исследователи различных наук, таких как психология, социология, социо- и психолингвистика, коммуникология, лингвокультурология, когнитивистика и др. Все вышеперечисленное приводит к множественности концепций и точек зрения на данный феномен как среди ученых, так и среди обычных носителей языковой картины мира. Оставаясь на протяжении длительного времени значимой частью русской языковой культуры как в сфере межличностных, так и массовых коммуникаций, явление *сплетни* требует всестороннего лингвистического описания.

Данная диссертационная работа представляет собой попытку комплексного исследования феномена *сплетни* через его экспликацию посредством речевых произведений со словом *сплетня* и содержание лексемы *сплетня*: его лексической синтагматики, прагматического, лингвокультурного и когнитивного аспектов, что позволяет описать не только слово, но и социокультурное явление *сплетни*, характерное для языковой картины мира носителя русского языка. *Сплетня* – многофакторный и многокомпонентный феномен (явление), который можно рассматривать с разных позиций. В рамках данной работы используемые понятия *феномен* и *явление* рассматриваются как синонимические, под которыми понимается некоторый фрагмент действительности, который воспринимается и познается человеком в процессе когнитивно-речевой деятельности.

Рассматривая явление *сплетни*, исследователи дают ему несовпадающие дефиниции. Так, ученые характеризуют его как оценочный

разговор об отсутствующем человеке (Eder, Enke, 1991), как процесс передачи несущественных (часто тривиальных) новостей о ком-либо (Fine, Rosnow, 1978) или как беззаботную и расслабляющую коммуникативную деятельность, как правило, не ориентированную на получение значимых внешних результатов (Ben-Ze'ev, 1994). Современные отечественные исследования в области психологии и социологии, посвященные проблематике феномена *сплетни*, также не дают ему однозначного толкования в силу структурной и информационной сложности данного явления (Горбатов 2007, 2009а, 2009б, 2010; Ольшанский 2001; Куликов 2011; Зайцева 2017).

Степень разработанности проблемы. В имеющихся лингвистических исследованиях таких ученых, как Н. Н. Панченко (2007, 2010), Е. В. Осетрова (2010, 2011, 2015), А. В. Ленец (2010), вопросы, связанные с аспектами феномена *сплетни*, освещаются опосредованно. *Сплетня* как коммуникативный феномен рассматривается в работах Г. Почепцова (1998), В. В. Дементьева (1999, 2006), А. Э. Петросян (2008), Э. Р. Сайфуллиной (2008), Г. Е. Крейдлина (2009), Е. А. Чижовой (2011), М. Ю. Коноваленко, В. А. Коноваленко (2013), Д. Д. Халгаевой (2015). Ряд исследователей изучают *сплетню* как лингвокультурное явление: Т. Е. Автухович (2003), А. Н. Кушкова (2003), Т. Г. Рабенко (2013), Т. А. Пирусская (2015). При этом явление *сплетни* не становилось предметом специального лингвистического изучения. На данный момент востребованным можно считать исследование, посвященное комплексному лингвистическому описанию данного феномена. Открытым является и вопрос о положении феномена *сплетни* в ряду смежных с ним явлений, репрезентированных соответствующими языковыми единицами. Все вышесказанное определяет **актуальность** диссертационного изучения феномена *сплетни* в современном русском языке.

Объектом исследования в данной работе выступает информационно-коммуникативный феномен *сплетни*, репрезентированный в слове *сплетня* и речевых произведениях с данным словом.

Предмет исследования – когнито-семантические и лингвокультурные аспекты значения слова *сплетня* и связанные с ним смыслы как способы апелляции к одноименному феномену русской лингвокультуры.

Основная **цель** проводимого исследования состоит в описании феномена *сплетни* в когнито-семантическом и лингвокультурном аспектах.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть концепции значения в современном языкознании, выявить соотношение лингвистических категорий *значение* и *смысл* в рамках проводимого исследования;

2) описать семантические особенности подгруппы слов со значением ‘речь, передающая непроверенную информацию, не заслуживающая доверия, кривотолки’ в русском языке; определить положение слова *сплетня* в выделенных в ходе работы лексико-семантических разрядах;

3) выявить объем семантического наполнения слова *сплетня* в лексикографических источниках разного типа;

4) дифференцировать зоны языковых, узуальных и авторских семантических компонентов в процессе семантизации лексемы в речи носителя русской лингвокультуры;

5) выявить специфику лингвопрагматических компонентов в значении лексемы *сплетня*;

6) описать образный компонент в составе феномена *сплетни*, показать особенности речевых стратегий в процессе вербализации ситуации *сплетни*;

7) исследовать лингвокультурологические и когнитивные аспекты явления *сплетни*, в том числе репрезентацию гендера, особенности оппозиций личное / публичное, свой / чужой в содержании феномена, показать специфику фреймовой и сценарной структуры изучаемого явления.

Материалом для диссертационного исследования послужили:

1) 31 дефиниционная статья из словарей разного типа, относящихся к первой половине XVIII – началу XXI вв., заголовочным словом в которых было слово *сплетня* и / или ее диалектный вариант *сплётка*. Всего в работе использовалось 39 словарей;

2) картотека объемом около 2500 примеров, отобранных методом сплошной выборки из корпуса русских текстов – Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Картотеку составили тексты художественной прозы разных жанров и направлений, поэтические тексты, газетная и журнальная публицистика, мемуарно-биографические источники, источники официально-делового характера, записи «бесед», осуществляющихся в рамках интернет-форумов;

3) 60 фразеологических оборотов, входящих в лексико-семантическую подгруппу слов со значением ‘речь, передающая непроверенную информацию, не заслуживающая доверия, кривотолки’.

Проводимое исследование опирается на идею системности в лексико-семантической сфере языка, что предполагает рассмотрение языковой единицы с точки зрения ее участия в лексических синтагматических отношениях, которые реализуются в «горизонтальной» плоскости на основе смежности понятий, вступающих в логические отношения. В процессе анализа характеризуются особенности лексической сочетаемости слова *сплетня*, что позволяет выявить актуальные смыслы в семантическом наполнении лексемы¹, которые связаны с ее функционированием в конкретных контекстах бытования в речи представителя русской лингвокультуры.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют фундаментальные положения структурно-функционального подхода к исследованию лингвистических явлений. Для решения указанных задач в работе использовались **комплексные методы**: описательный метод

¹ Прим.: в рамках данной работы понятия *слово* и *лексема* функционируют как синонимические, что позволяет использовать их как взаимозаменяемые единицы.

с применением приемов наблюдения, сопоставления, анализа и обобщения, компонентный анализ значения слова, метод дефиниционного анализа словарных статей, метод контекстологического анализа, метод интерпретации и метод фреймовой семантики, метод статистического анализа. При работе с источниками применялся метод сплошной выборки, подтверждающий достоверность полученных в ходе исследования выводов.

Теоретической базой исследования являются труды русских и зарубежных ученых в области лингвокультурологии, когнитивистики, семантики.

Анализ полученных результатов **в области семантики языковых единиц** проведен с опорой на следующие исследования: Н. М. Шанский (1959), Е. А. Найда (1962), С. Ульман (1962), А. А. Уфимцева (1962), Ч. Фриз (1962), Э. Бенвенист (1974), Ю. С. Степанов (1975), В. В. Виноградов (1977), А. В. Бондарко (1978), И. Р. Гальперин (1978), Л. А. Новиков (1982), Д. Льюиз (1983), К. И. Льюис (1983), Ч. У. Моррис (1983), Ч. Филлмор (1983), Э. В. Кузнецова (1989), Л. М. Васильев (1990), Ю. Д. Апресян (1995а), Н. В. Сапрыгина (1996), В. Г. Гак (1998), В. М. Грязнова (1998, 2013, 2015), Ф. де Соссюр (1999), И. М. Кобозева (2000), Е. В. Рахилина (2008), Г. Фреге (2000), А. А. Худяков (2000), Д. Н. Шмелев (2002), Дж. Лайонз (2003), Е. В. Цупикова (2004), Н. Ф. Алефиренко (2005), Л. П. Крысин (2007), М. В. Никитин (2007), Е. А. Юрина (2008), М. И. Лазариди (2010), Е. В. Пупынина (2011), Т. Н. Пархоменко (2012).

Анализ **прагматики языковых единиц** осуществлен с привлечением работ Е. В. Падучевой (1985), Ч. Стивенсона (1985), Р. С. Столнейкера (1985), В. Н. Телии (1986), Ю. Д. Апресяна (1995б), Е. А. Леонтьевой (2000), Н. Н. Болдырева (2002), Е. М. Вольф (2002), В. Т. Титова (2003), Л. Ю. Касьяновой (2008), Т. В. Романовой (2008), В. И. Шаховского (2008), Е. А. Горло (2013), В. В. Квашиной (2013).

В области **лингвокультурологии** анализ проведен с опорой на работы Ю. А. Бельчикова (1988), Н. Ю. Шведовой (1999), В. А. Буряковской (2000),

В. А. Масловой (2001), В. И. Карасика (2002), А. А. Залевской (2005), Е. В. Рахилиной (2008), Анны А. Зализняк (2012), Е. И. Алещенко (2014, 2017), Л. А. Исаевой, С. А. Калининой (2015), Е. В. Иванцовой (2016), Л. А. Исаевой, С. Ф. Мельничук (2017), А. А. Яковлева (2017).

В области **когнитивистики** исследование опирается на работы М. Минского (1979), Ч. Филлмора (1988), Е. С. Кубряковой (1996), Т. А. ван Дейка (2000), В. И. Карасика (2002), И. Гофмана (2003), В. А. Новосельцевой (2005), Н. М. Кравцовой (2008), С. Н. Переволочанской (2009), Л. П. Мурашовой (2014), Е. В. Мартынюка (2014), Г. Н. Манаенко (2016), Е. С. Милькевич (2016).

Научная новизна работы заключается в том, что в результате исследования:

– выделены лексико-семантические разряды в составе подгруппы слов со значением ‘речь, передающая непроверенную информацию, не заслуживающая доверия, кривотолки’, описаны связи слова **сплетня** с лексическими единицами выделенных разрядов;

– определен объем семантического содержания слова **сплетня**, зафиксированный в словарях разного типа, выявлена некорректность релятивно-парадигматического способа его толкования;

– установлена и описана лексическая синтагматика слова **сплетня**, определены смысловые зоны, наиболее значимые для носителя русской лингвокультуры, в которых выделены языковые, узуальные и авторские семантические компоненты;

– впервые подробно описана доминантная зона культурно кодифицированных узуальных компонентов, базирующихся на прототипических семах ‘идея плетения / сплетенности’, ‘бытийность’, ‘процессуальность’, на языковых компонентах ‘информация’, ‘вымысел’, ‘неточность’, ‘оценка отрицательного характера’;

– определены и описаны образные компоненты в структуре такого феномена русской лингвокультуры, как *сплетня*, а также речевые стратегии семантизации в коммуникативном событии / процессе *сплетни*;

– описан кодифицированный культурой гендерный аспект в содержании *сплетни*;

– представлена структура и определено содержание фрейма и сценария *сплетни* как явления русской лингвокультуры.

Теоретическая значимость данной работы обусловлена тем, что она способствует приращению научного знания в области изучения лексической семантики, ориентированной на совместное изучение языка и культуры. В диссертационном исследовании углубляются существующие в современной русистике представления относительно некоторых актуальных вопросов современной семантической науки: уточняются статус и соотношение понятий *значение* и *смысл*, выделяются языковые, узуальные и авторские семантические компоненты, исследуются вопросы, связанные с компонентным составом значения лексических единиц. В диссертации представлена расширенная модель семантической сочетаемости леммы *сплетня*, которая может служить основанием для ее лексикографического описания в толковых и семантических словарях, а также в словарях активного типа. Аппеляция к значению и смыслам слова *сплетня* по данным словарей и лексической синтагматики позволила сделать ряд выводов и обобщений, которые дают систематизированное представление о семантических, лингвокультурологических, семиотических и когнитивных особенностях изучаемого феномена *сплетни* в русской лингвокультуре.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в учебном процессе при подготовке к лекционным и практическим занятиям по лексикологии русского языка, введению в языкознание и общему языкознанию, на семинарах по лингвокультурологии, семиотике, прагматике, когнитивной лингвистике на лингвистических и филологических факультетах высших учебных заведений.

Кроме того, результаты исследования могут использоваться в лексикографической практике, в том числе при составлении словарей активного типа, словарей сочетаемости.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Феномен *сплетни* антропоцентричен и имеет устойчиво выраженную социальную маркированность, в которой возможна динамика в зависимости от исторического периода, а также устойчивую гендерную специфику, которая проявляется в отнесении *сплетни* к кругу исконно женских явлений. В содержании феномена *сплетни* репрезентированы базовые культурные оппозиции личное / публичное, свой / чужой.

2. Семантическая структура слова *сплетня* не изменяется на протяжении длительного времени, что свидетельствует об устойчивости называемого данной лексемой феномена как части русской языковой картины мира.

3. В содержании слова *сплетня* (на основании данных словарей и контекстов бытования лексемы) выделяются зоны культурно кодифицированных языковых, узуальных и авторских семантических компонентов, демонстрирующих специфику наивной картины мира, свойственной носителю русской лингвокультуры.

4. Феномен *сплетни*, репрезентируемый одноименным словом, аксиологически маркирован. Языковые и узуальные оценочные компоненты в структуре значения слова *сплетня* показывают наличие различных видов оценки: этической, эстетической, эмоциональной и интеллектуальной. Большая часть выявленных семантических компонентов характеризует данный феномен резко отрицательно. Авторская оценка представлена немногочисленными примерами с семантикой положительной и отрицательной оценки, которые либо обусловлены таким нейтральным семантическим языковым компонентом лексемы, как 'информация', либо являются следствием расширения тривиальной узуальной смысловой зоны негативной оценки.

5. В содержании феномена *сплетни* присутствует ряд образных характеристик, свойственных русской лингвокультуре, которые в зависимости от своего содержания могут быть классифицированы на антропоморфные, мифоморфные, зооморфные, фитоморфные и артефактоморфные. Данные виды ассоциативных воплощений феномена представляют собой конкретизацию как языковых, так узуальных и авторских семантических компонентов значения.

6. Авторская семантизация слова *сплетня*, отражающая особенности рефлексивных процессов носителя русской лингвокультуры над феноменом *сплетни* на обыденном уровне восприятия, может осуществляться в рамках четырех речевых стратегий: идентифицирующей, иллюстрирующей, классифицирующей и ассоциативной, при этом доминантным является классифицирующий тип, основанный на семантическом отождествлении понятий.

7. Феномен *сплетни* можно представить в виде таких когнитивных структур, как фрейм и сценарий. Функционально и структурно обусловленными слотами фрейма являются *участники, предмет сообщения, характеристика ситуации, содержание информации* (*кто, кому, что, где и о чем*). Сценарий *сплетни* состоит из ряда процедурных действий: а) идея сплетни; б) возникновение данного явления; в) функционирование *сплетни*; г) ее исчезновение.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы регулярно докладывались на заседаниях кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, прошли апробацию на международных (Пенза 2016; Санкт-Петербург 2016), всероссийских (Таганрог 2014; Нефтекамск 2014) и региональных (Ставрополь 2013; Назрань 2013) научных и научно-практических конференциях, в публикациях статей в сборниках научных трудов. По теме диссертации опубликовано 11 научных работ, раскрывающих основное содержание диссертации, объемом 4,3 п. л., из них 3 научные работы

объемом 1,5 п. л. опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена темой, целями и задачами проводимого исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Основной текст составляет 288 страниц машинописного текста, включая список литературы (222 наименования), состоящий из блока научной литературы, лексикографических источников и источников эмпирического материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность заявленной темы, формулируются цели и задачи исследования, определяется теоретико-методологическая основа, указываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Проблематика описания семантической структуры слова**» предлагается научный обзор литературы по теме исследования, рассматриваются концепции языковых значений, вопросы о соотношении понятий *значение* и *смысл*, о лингвокультурологическом аспекте в изучении семантики слова, о семантических особенностях группы слов со значением 'речь, передающая непроверенную информацию', а также о специфике лексического значения изучаемого слова *сплетня*.

Сплетня – сложное когнитивно-речевое явление, исследование которого в работе производится посредством описания специфики бытования в русской лингвокультуре лексемы *сплетня*. Выявление специфики значения слова *сплетня* и зоны культурно кодифицированных узуальных и авторских смыслов, относящихся к речи, позволило исследовать одноименный коммуникативный и социокультурный феномен, ведь любой «феномен человеческого мира существует только потому и постольку, поскольку о нем говорят» (Ячин, 2006, с. 6).

Вопрос об осмыслении понятий *значение* и *смысл*, связанный

с пониманием сущности того или иного явления (феномена), остается открытым и находится в зоне внимания как философов и логиков, так и ученых-лингвистов. Концепции языковых значений рассматриваются в работах С. Ульмана (1962), А. А. Уфимцевой (1962), Ч. Фриза (1962), Е. А. Найды (1962), Л. А. Новикова (1982), Д. Льюиза (1983), К. И. Льюиса (1983), Ч. У. Морриса (1983), Ч. Филлмора (1983), Э. В. Кузнецовой (1989), Л. М. Васильева (1990), Г. Фреге (2000), Дж. Лайонза (2003) и ряда других. По мнению исследователей, первоочередной задачей является решение вопроса о связи между *значением* и фрагментом действительности, с которым оно соотносится, а также с интенцией говорящего и личностью воспринимающего, который интерпретирует полученную информацию. Для обозначения соответствующих явлений ученые вводят различные терминологические обозначения: означающее – означаемое (Соссюр, 1999), лексическое, структурное и социально-культурное значение (Фриз, 1962), интенционал и экстенционал понятий (Льюис, 1983), репрезентамента, объект и интерпретанта (Моррис, 1983), пресуппозиция и ассерция (Филлмор, 1983) и др.

В нашей работе релевантным является понимание *значения* в качестве наиболее обобщенной характеристики содержания знака, зафиксированной в словаре и используемой носителем языка при вычленении и обозначении данного явления, предмета или объекта действительности. *Смысловая сторона* знака связана непосредственно с контекстом бытования языковой единицы и определяется или узуальными ассоциативными связями, которые понятны большинству носителей русской лингвокультуры и имеют высокую частотность употребления, или авторскими ассоциациями, ориентированными на индивидуализированное восприятие. Значение и смысл оказываются взаимообусловленными, но не тождественными понятиями. С точки зрения А. В. Колмогоровой, «языковое значение и смысл суть функциональное единство, поскольку смысл – это конечный и совокупный результат актуализации такой структуры сознания, как значение,

в конкретных временных и ситуативных условиях для конкретного организма, который, будучи единожды получен, включается организмом в структуру значения (в образ знака) в качестве репрезентации взаимодействия с данным языковым знаком» (Колмогорова, 2006, с. 7). Таким образом, информация о смыслах уже имплицитно содержится в структуре значения и актуализируется по мере необходимости.

Значение и смыслы, ассоциируемые с ним, во многом обусловлены той культурой, представителем которой выступает носитель языка, т. к. понимание и правильная интерпретация явления, названного тем или иным словом, невозможны без осмысления его культурно закрепленного образа, который проявляется на уровне лексической сочетаемости, в ассоциативных и образных характеристиках. Изучение феномена *сплетни* в нашем исследовании начинается с анализа дефиниций одноименного слова в лексикографических источниках разного типа, т. к. это позволяет получить первичное и общее представление о явлении.

Проведенный анализ лексикографического материала показал, что лексема *сплетня* появляется в языке не позже XV века, ее значение практически не подвергается трансформации с XVII века, что свидетельствует об устойчивости и значимости данного знака и репрезентируемого им явления в русской лингвокультуре.

Дальнейший анализ, проведенный в диссертации, позволил выявить место *сплетни* в ряду аналогичных информационно-коммуникативных явлений. С точки зрения авторов Русского семантического словаря (Русский семантический словарь, Т. 3, 2003, с. 290–291), лексема входит в подгруппу ‘речь, передающая непроверенную информацию, слова, не заслуживающие доверия, кривотолки’. Семантический состав подгруппы неоднороден, что позволило нам выделить четыре лексико-семантических разряда. Слово *сплетня* входит в разряд со значением ‘непроверенная, искаженная информация’, к которому относится еще 13 языковых единиц, в том числе и лексема *слух*, содержание которой ощущается носителями русской

лингвокультуры семантически схожим со значением лексемы **сплетня**. Сопоставление данных единиц показало, что для понимания специфики **сплетни** знание только собственно языкового компонента недостаточно, необходимо обращение ко всей информации, передаваемой знаком.

Обобщив словарные дефиниции лексемы **сплетня** в рассматриваемых в работе словарях, мы пришли к выводу, что в ее значении выделяются следующие семантические компоненты, относящиеся к языку: а) вербализованные в словарной статье семы 'информация', 'вымысел', 'неточность', 'оценка отрицательного характера'; б) скрытые, имплицитные семы 'идея плетения / сплетенности' (обусловленная этимологически), 'бытийность' (**сплетня** – это 'информационное явление, существующее сейчас и постоянно'), 'процессуальность' (**сплетня** – это процесс и результат определенных действий).

Во второй главе «**Значение слова *сплетня* и смыслы, ассоциируемые с ним, по данным лексической синтагматики**» была проанализирована лексическая сочетаемость слова **сплетня** с прилагательными и глаголами разных семантических групп.

Языковые единицы, закрепленные в системе языка, функционируют в двух плоскостях: синтагматической и парадигматической. Лексическая синтагматика представляет собой правила сочетаемости значений одноуровневых языковых единиц: В. В. Виноградов (1977), И. Р. Гальперин (1978), Л. А. Новиков (1982), В. Г. Гак (1998), Е. В. Рахилина (2008), И. А. Стернин, М. С. Саломатина (2011). В слове, функционирующем в контексте и вступающем в семантические синтагматические отношения, могут актуализироваться периферийные и потенциальные семы, а также в его смысловую структуру возможно включение компонентов, возникших в результате взаимодействия значений при их комбинаторике. В ходе проведенного анализа в содержании лексемы **сплетня** были выделены узуальные смысловые компоненты, закрепленные в языковом сознании носителей языка как некоторый стереотип, отражающий этнокультурную

специфику восприятия феномена *сплетни*².

В НКРЯ было зафиксировано 524 контекста, иллюстрирующих модель адъективной сочетаемости лексемы *сплетня* и дифференцированных нами на 12 лексико-семантических групп (далее ЛСГ), которые в зависимости от наполнения были разделены на лексико-семантические подгруппы (далее ЛСПГ). Анализ материала показал, что узуальные смыслы базируются на компонентах в значении лексемы *сплетня*, относящихся к языку: прототипических имплицитных компонентах ‘процессуальность’ и ‘бытийность’, вербализованном в толковании лексемы компоненте ‘непроверенная информация’.

Так, узуальный семантический компонент ‘человек’ (характерен для ЛСГ ‘социальная характеристика человека’, ‘пространственная локализованность человека’, ‘национальная маркированность человека’, ‘отношение к определенной области и (или) сфере знания человека’, ‘гендерная характеристика’) имплицитно присутствует в языковом компоненте ‘непроверенная информация’ как ее генератор / носитель и реализуется в следующих метонимических моделях: «X-ная *сплетня* – ‘*сплетня* людей в ситуации Y’» и «X-ная *сплетня* – ‘*сплетня* X-ных людей’»³. *Сплетня* не может существовать вне мира человека, она целиком и полностью антропоцентрична и выступает как неотъемлемый атрибут частных повседневных контактов, поэтому возможны такие сочетания, как *театральная сплетня, церковная сплетня, семейная сплетня, философская сплетня, бабья /женская / мужская сплетня, грузинская, немецкая сплетня* и др.

² Источником для выделения узуальных смысловых компонентов послужили не только материалы НКРЯ, но и текстовые фрагменты, создаваемые в современном информационном пространстве в рамках интернет-ресурсов и литературы XXI века.

³ Метонимия как тип переносного значения строится на основании смежности сопредельных явлений. Так, X-ная *сплетня* – ‘*сплетня* X-ных людей’ представляет собой перенос свойств человека на свойства производимого им объекта: *мещанская сплетня* – *сплетня* мещан; модель X-ная *сплетня* – ‘*сплетня* людей в ситуации Y’ представляет собой перенос свойств человека на свойства производимого им объекта в конкретной ситуации / сфере: *служебная сплетня* – *сплетня* людей, объединенных службой и т.д.

Большинство узуальных адъективных сочетаний, акцентирующих семантический компонент ‘человек’ в содержании слова *сплетня* в рамках обозначенных ЛСГ, являются устойчивыми и функционируют на протяжении XIX–XXI вв. (*литературная сплетня, городская сплетня, больничная сплетня* и др.). Некоторые архаизируются в силу утраты актуальности, связанной с изменением исторических реалий. Так, адъективы в ЛСПГ со значением ‘номинация по принадлежности к определенному сословию’ полностью перешли в пассивную сферу (*аристократическая сплетня, дворянская сплетня, салонная сплетня* и др.); утратил значимость и ряд номинаций в сфере профессиональной (производственной) деятельности или рода занятий: *придворная сплетня, приказная сплетня, дворцовая сплетня* и т. д. Другие изменили значение: *светская сплетня* в XIX в. употреблялась в значении ‘имеющая отношение к привилегированному дворянскому классу’, в XX в. она теряет сословную маркированность и приобретает значение ‘распространяемая в общественной среде’. Появление новых профессиональных сфер, пространственных локаций или областей знаний приводит к появлению новых номинаций: *мидовская сплетня* (XX в.), *советологическая сплетня* (XX в.), *офисная сплетня* (XXI в.).

Второй значимый для характеристики *сплетни* компонент – ее временная обусловленность, которая базируется на такой прототипической семе значения данной лексемы, как ‘процессуальность’: лексема этимологически связана с глаголом *плести*, под *сплетней* понимают как *процесс* информационного плетения, так и его *результат*. Анализ контекстов показывает, что информационная составляющая *сплетни* должна обладать признаками *новизны*, чтобы заинтересовать собеседников, т. е. характеризоваться как *последняя, новая, свежая*. В то же время ряд примеров показывает вневременной, постоянный характер феномена: *бесконечная сплетня, вечная сплетня, постоянная сплетня, непрерывная сплетня*. В данных контекстах вневременная характеристика связана с имплицитным языковым компонентом бытийности, т. к. изучаемое информационное

явление *сплетни* существует на регулярной основе *сейчас* и *постоянно*, *здесь* и *везде*, что еще раз свидетельствует о его коммуникативной и социокультурной значимости.

Ряд семантических узуальных компонентов характеризует различные качественные параметры явления и базируется на таком языковом компоненте значения лексемы *сплетня*, как ‘непроверенная информация’, уточняя и конкретизируя его. К таким параметрам можно отнести: а) низкую степень оригинальности и достоверности (ЛСГ ‘*степень оригинальности*’ и ‘*степень достоверности*’): *обычная сплетня*, *типичная сплетня*, *обыкновенная сплетня*, *лживая сплетня*, *ложная сплетня*; б) отсутствие в содержании значимой информации, ее структурную простоту (ЛСГ ‘*различные внутренние свойства*’): *глупая сплетня*, *пустая сплетня*, *бессмысленная сплетня*, *простая сплетня*, *примитивная сплетня*; в) распространение в узком кругу (ЛСГ ‘*степень публичности*’): *келейная сплетня*, *кулуарная сплетня*, *узкая сплетня*, *частная сплетня*.

В ходе анализа глагольной сочетаемости (624 контекста) было выделено 3 ЛСГ, которые также в зависимости от содержания были дифференцированы на подгруппы и лексико-семантические разряды. Узуальные смыслы в сочетаниях с глаголами в целом сходны с теми, которые выявляются при анализе адъективных структур. Основным узуальным семантическим компонентом выступает ‘человек’ в двух конкретизациях – *носитель активного действия, деятельности, деятельностного состояния как ее разновидности* и *носитель эмоций, эмоционального состояния и отношения*. В этих конкретизациях представлены метонимические модели, в которых содержание значения лексемы *сплетня* переносится или на носителя, который выступает как коммуникант, или на эмоциональное поведение коммуниканта в ситуации *сплетни*.

Характеристика самого процесса *сплетни* связана с глаголами бытийной группы, лексическая сочетаемость с которыми выявляет узуальные компоненты, которые базируются на такой прототипической семе значения

лексемы *сплетня*, как 'процессуальность'.

Анализ глагольной сочетаемости позволяет представить *сплетню* в качестве сценария, который имеет набор процедурных действий:

1) появление феномена как продукта мыслительной деятельности: *выдумать, придумать, сочинить*;

2) начало бытования феномена в реальном мире: *начаться/начинаться, возникнуть / возникать*;

3) период существования явления, который включает в себя следующие этапы: а) момент первичного знакомства с феноменом (*сообщить / сообщать, сказать*); б) процесс восприятия, преимущественно аудиального (*слушать, выслушать*); в) процесс осмысления (*понять, вникнуть / вникать*); г) процесс интерпретации и оценки явления (*приписать, составить, сложить, опровергнуть, подтвердить, отрицать* и др.); д) трансляцию явления (*распустить, передать / передавать, распространять*).

4) прекращение существования явления (в том числе возможно при активном влиянии участников ситуации): *умолкнуть, исчезнуть, пресечь* и др.

В третьей главе **«Прагматический и когнитивный аспекты феномена сплетни»** был проведен лингвокультурный и когнитивный анализ изучаемого явления, который включал исследование оценочного компонента в значении слова и смыслах, ассоциируемых с ним, образного компонента в содержании феномена, контекстов авторской семантизации, репрезентации гендера и оппозиций личное / публичное, свой / чужой, а также анализ специфики фреймовой структуры феномена.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре *прагматика* определяется следующим образом: «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» (<http://tapemark.narod.ru/les/389e.html>). Проблематикой, связанной с прагматическими аспектами языковых знаков, занимались Ч. У. Моррис

(1983), Е. В. Падучева (1985), Ю. Д. Апресян (1995б), Е. М. Вольф (2002), Н. Ф. Алефиренко (2005), Е. Л. Березович (2009) и др. Вопрос о содержании прагматического компонента остается дискуссионным. С точки зрения Ю. Д. Апресяна, в него входит «широкий круг явлений, начиная от экспрессивных элементов значения <...>, семантические ассоциации, ассоциативные признаки, коннотации и т. п., и кончая теми модальными компонентами значения, которые А. Вежбицка описывала как модальную рамку высказывания, а Ч. Филмор – как пресуппозиции» (Апресян, 1995б, с. 67).

К прагматическим аспектам феномена *сплетни* в диссертационном исследовании мы относим следующие: а) оценочный компонент, б) образные характеристики явления, в) область авторской семантизации.

Оценочные семантические компоненты могут занимать разное положение в структуре значения слова. Так, в *сплетне* они находятся как на сигнификативном уровне (семы ‘недоброжелательный’, ‘порочащий’ находятся в значении данной лексемы, т. е. в языковом компоненте), так и на прагматическом уровне при сочетании с аксиологически маркированными единицами.

В ходе проведенного анализа было выделено несколько оценочных групп, которые выражают отношение говорящих к явлению *сплетни*: 1) с оценкой, имеющей этический, 2) эстетический и 3) эмоциональный характер. В данных группах была осуществлена попытка разграничения области языковых семантических компонентов, узуальных и авторских смысловых зон. Критерии, на основании которых проводилась работа, сформулированы в диссертационном исследовании следующим образом: а) зафиксированность / незафиксированность единиц нормативными словарями в толкованиях и / или в иллюстративном материале; 2) общепонятность среднему носителю языка; 3) частотность, т. е. воспроизводимость соответствующих контекстов в рамках изучаемого хронологического среза XIX–XXI вв. Область языковых семантических компонентов и узуальных

смысловых зон представлена исключительно пейоративными наименованиями, большинство из которых передают этическую оценку, что является отражением национально-культурной специфики в восприятии феномена (репрезентируется в лексической сочетаемости с такими прилагательными, как *грязная, гнусная, злая, гадкая, скверная, подлая, чудовищная* и др.). Отдельного внимания заслуживает номинация узуального характера *бабская сплетня*, в которой соединяется этическая и эстетическая оценка. Большинство словарей не фиксирует лексему *бабский*, тем не менее НКРЯ показывает значительное количество вхождений этой единицы в оценочном значении. В настоящее время номинации *баба, бабский* являются отражением общественного мировоззрения и повсеместно используются при оценке женского поведения.

Авторские оценочные смыслы демонстрируют положительную оценку феномена *сплетни*, что не соответствует ожиданиям носителей языка. Таких контекстов сравнительно немного: *дружеская сплетня, милая сплетня, пристойная сплетня, невинная сплетня, веселая сплетня*. Подобные сочетания становятся возможными в силу того, что *сплетня* – это информационное явление, а информация сама по себе нейтральна, сведения получают оценку только в процессе их интерпретации, поэтому в тексте *сплетни* могут сосуществовать такие крайние точки как *глупая сплетня – умная концептуальная сплетня*. Также присутствуют номинации метафорического характера как, например, *сладкая дымчатая сплетня*, которые отражают экспликацию внутреннего контекста индивидуальной языковой картины мира говорящего. К зоне авторских номинаций относятся и некоторые пейоративные образования, которые демонстрируют расширение лексической сочетаемости в области отрицательной оценки – *древнехолопская сплетня, гиньольная сплетня, липкая сплетня*.

Образные ассоциативные характеристики феномена *сплетни* базируются на прототипических имплицитных компонентах в значении слова. Так, первый образ *сети, плетения*, возникающий в сознании носителя

русской лингвокультуры, связан с внутренней формой слова (*сплетня* этимологически восходит к глаголу *плести, сплести*). Сопоставление с *клубком, химерой, кентавром, лианами, гнездом* также отсылает к внутренней форме слова *сплетня*: «*Правда, надо уметь отделять пересказы от наговоров, которые и составляют кентавра, именуемого сплетней, слухом, молвой* (Ольга Новикова. Женский роман (1993))» (<http://www.ruscorpora.ru>). Сопоставление *сплетни* с мифоморфизмами *химера* и *кентавр* неслучайны. С точки зрения греческой мифологии, химера и кентавр – метаморфы, которые соединяют в себе обличия полульва-полукозы с хвостом змеи и получеловека-полуконя. Подобные номинации в качестве предмета сравнения *сплетни* подчеркивают тот факт, что ее информационная составляющая представляет собой *сплетение* компонентов разной степени достоверности, что и соотносится с прототипическим языковым компонентом значения. Ряд зооморфных характеристик (образы *змеи, пчелиного роя, червей*) связаны с усилением отрицательной оценки в зоне языкового семантического компонента ‘непроверенная информация’ и являются авторскими (в первом примере) или узуальными (во втором примере): «*Заодно по дороге можно накопать свежих сплетен...* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004))» (<http://www.ruscorpora.ru>); «*Ветрова жалили исподтишка сплетнями...* (Дарья Симонова. Призрак декорации (2002))» (<http://www.ruscorpora.ru>).

Образные ассоциативные воплощения также могут базироваться на таких узуальных семантических компонентах, как ‘избыточность существования’ (артефактоморфные образы *фонтана, колодца, фитоморфный образ букета*), ‘скорость распространения’ (натурморфные образы *лавины, вихря*), ‘низкая степень оригинальности’ (натурморфный образ *болота*), ‘человек в социальном аспекте’ (антропофорный образ *палача*): «*Сплетни бьют из книги фонтаном* (Л. К. Чуковская. Дом поэта (фрагменты книги) (1972–1976))» (<http://www.ruscorpora.ru>); «*...Создать лавину слухов и сплетен* (Борис Васильев. Оглянись на середине //

«Октябрь», 2003)» (<http://www.ruscorpora.ru>); «*Найдем тебя сплетня // Придет твой палач!* (И. С. Никитин. Сплетня (1856))» (<http://www.ruscorpora.ru>). В целом необходимо отметить, что носители языка ощущают связь лексемы с ее внутренней формой, а многочисленные контексты позволяют более точно выразить свое отношение к факту реальности, который ею обозначается.

К средствам выражения авторской интенции также относятся речевые стратегии авторской семантизации, ориентированные на передачу «личностных смыслов» в процессе коммуникации. По способу подачи информации эти контексты условно можно разделить на четыре группы: 1) идентифицирующая стратегия: «...**Общественный суд о нравственном достоинстве людей, если и существует у нас, то лишь в виде сплетен...** (Н. А. Добролюбов. Черты для характеристики русского простонародья (1859))» (<http://www.ruscorpora.ru>); 2) классифицирующая стратегия: «*Пересуды, слухи и сплетни – неиссякаемый источник неформального влияния* (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008)» (<http://www.ruscorpora.ru>); 3) иллюстрирующая стратегия: «*Если коллеги пользуют одного и того же терапевта, то возникают **прямые и обратные информационные каналы, а значит, и возможность анализа, говоря примитивно – сплетен*** (Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015))» (<http://www.ruscorpora.ru>); 4) ассоциативная стратегия: «...**Сплетни – неуловимые призраки, за которые и ухватиться нельзя было для настоящего розыска** (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей (1905))» (<http://www.ruscorpora.ru>). Анализ контекстов авторской семантизации и образных характеристик показывает, что носителем языка ощущается необходимость уточнения содержания лексемы *сплетня* в силу сложности феномена, репрезентированного данным словом.

В содержании изучаемого явления также находят отражение фундаментальные лингвокультурные оппозиции личное / публичное и свой / чужой. *Сплетня* лежит в зоне частных коммуникативных контактов, и

ее содержание напрямую связано с десакрализацией личного, т. к. участники коммуникативного процесса склонны к обсуждению именно сферы приватного, того, что не должно становиться предметом публичных толков, но что всегда привлекает внимание в силу своей табуированности. Проведенный анализ показал, что темой для **сплетни** может стать практически любая информация, касающаяся частной сферы, в том числе *добрачных (или внебрачных) любовных отношений, измены или супружеской неверности, различных аспектов семейных взаимоотношений, проблемы гендерных предпочтений, нарушения социальных (или гендерных) ролей, разновозрастных отношений (предпочтительно, чтобы разница в возрасте была значительной), любовных отношений в рабочем коллективе, физического или психического здоровья, внешнего вида, финансового состояния и др.* Чем подробнее **сплетня**, чем больше шокирующих фактов и неприятных подробностей в ней содержится, тем интереснее она коммуникантам: *«Если кого хвалишь – люди не слушают, а если рассказываешь злые сплетни – то слушателей не отгонишь (Израэль ШАМИР. Фильтруй базар // Комсомольская правда, 2013.10.21)»* (<http://www.ruscorpora.ru>). **Сплетня** маркирует своих и чужих: *«И птицы счастливы, что им удалось намекнуть или приплести кстати и некстати о своем аристократическом знакомстве. Они, все без исключения, необыкновенно интересуются знать, что делается в кругу этих современно блистающих представителей, о чем они говорят, чем занимаются... <...> Птицы, однако, не любят сходить с новыми личностями. Они предпочитают вращаться в тесном и замкнутом кружке своего птичьего общества, члены коего все связаны друг с другом самую интимную привязанностью, и постороннему человеку, что называется «человеку с ветра», нет почти никакой возможности проникнуть в их заколдованный круг... (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6 (1867))»* (<http://www.ruscorpora.ru>). При этом *свои* – характеристика непостоянная. **Сплетней** можно поделиться и с незнакомым

человеком, вовлекая его тем самым в круг *своих*. Чужих исключают из ситуации *сплетни*: «*Аля не интересовалась театральными сплетнями, да она и не была еще своей в Театре на Хитровке, поэтому никто и не пытался сплетничать с нею о Нине* (Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005))» (<http://www.ruscorpora.ru>) или делают их объектом *сплетни*: «*Словом, ясно было, что соседки недолюбливали золотарихи, хотя она вела себя в отношении к ним очень скромно, только не мешалась в их сплетни; но чувствовали почтенные кумушки, что она не их поля ягода и лишь по одной необходимости не чуждается их, и зато не давали ей пощады своим языком* (И. Т. Кокорев. Саввушка (1847))» (<http://www.ruscorpora.ru>).

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с характеристикой ситуации *сплетни*, является вопрос о характере гендерной принадлежности коммуникантов. В русской языковой картине мира *сплетничание* традиционно маркируется как женская коммуникативная сфера: «...*Они (бабы) так, на всякий случай говорят, чтобы если что было, то в дураках не остаться, бабы не любят оставаться в дураках <...>; оттого никогда в лучшую сторону не ошибаются, только в худшую <...>, поскольку бабы все плохие возможности предусматривают, а хорошие возможности не предусматривают, что и называется сплетни...* (Б. Б. Вахтин. Одна абсолютно счастливая деревня (1965))» (<http://www.ruscorpora.ru>). Образ женщины-сплетницы – лингвокультурная константа, он не имеет ни возрастных, ни социальных ограничений. При этом в мужском коллективе также существуют разного рода *сплетни*, касающиеся частных сфер жизни других людей. Мужчин, «*так же, как и женщин, волнует личная жизнь коллег и знакомых противоположного пола, а еще – чужие доходы, закулисные интриги в коллективе и связи с “нужными” людьми, реальные или вымышленные*» (<http://www.b17.ru/article/33575/>). При этом мужчины не склонны идентифицировать производимую информацию в качестве *сплетни*, а если это происходит, то она определяется как *концептуальная* и противопоставляется женской по содержанию: «...*Костромской мужчина не*

прочь посплетничать, но никогда не поставит концептуальные мужские сплетни вровень с ничтожными женскими... (Александр Зябликов. Провинциальная столица // «Сибирские огни», 2013)» (<http://www.ruscorpora.ru>).

Проведенный в работе синтагматический, прагматический и лингвокультурный анализ позволяет представить *сплетню* в качестве фрейма, под которым понимается некоторая структура, используемая для схематизации опыта (Филлмор, 1988, с. 54). В нашей работе мы придерживаем точки зрения, что «фрейм – единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» (Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 188).

Анализ фреймовой структуры *сплетни* позволил выделить в ее составе 12 релевантных слотов: 1) участники; 2) предмет сообщения; 3) функциональные разновидности; 4) характеристика ситуации общения; 5) содержание информации; 6) оценка содержания информации; 7) способ передачи информации; 8) количественная характеристика аудитории; 9) степень вовлеченности; 10) длительность существования; 11) способность моделировать поведение; 12) языковые особенности.

В **заключении** работы подводятся основные итоги диссертационного исследования и намечаются его дальнейшие перспективы.

Исследование собранного материала показало социокультурную и лингвокультурную специфику явления *сплетни*. Анализ словарных дефиниций *сплетни* позволил определить объем содержания слова *сплетня*, а изучение лексической синтагматики уточнило семантические компоненты, как имплицитно входящие в значение лексемы, так и актуализирующиеся в процессе коммуникации (семантические компоненты ‘бытийность’, ‘процессуальность’, ‘идея плетения’, ‘человек’ и ряд других, более частных). На основании сформулированных в работе критериев выделенные смысловые приращения, свойственные наивной картине мира носителя

русского языка, дифференцированы на зоны культурно кодифицированных языковых, узуальных и авторских компонентов. Результаты изучения данных компонентов позволяют говорить об устойчивых характеристиках феномена *сплетни*, свойственных русской языковой картине мира: существование в пределах *городской среды* в большом количестве (*многочисленная*), новизна (*последняя/новая*), низкая степень оригинальности и оценки информационной значимости (*обычная/типичная; глупая/пустая*), структурная простота (*простая, примитивная*), постоянный характер воспроизведения (*бесконечная*), социальная и гендерная маркированность (*литературная, театральная, журналистская; бабья, женская*). Явление *сплетни* носителями языка оценивается негативно с этической, эстетической и эмоциональной позиций и репрезентирует в своем содержании базовые культурные оппозиции личное / публичное, свой / чужой.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы возможны и в теоретическом, и в прикладном аспекте. Методика изучения феномена *сплетни*, предложенная в работе, может быть применена к другим языковым единицам группы 'речь, передающая непроверенную информацию, не заслуживающая доверия, кривотолки'. Перспективы прикладного применения результатов исследования видятся в возможности применения материалов при составлении словарей активного типа.

**Основные положения настоящего диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при
Министерстве науки и высшего образования РФ:*

1. Шейко, Д. В. О когнитивных аспектах феномена сплетня / Д. В. Шейко // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 258–265 (0,6 п.л.)
2. Шейко, Д. В. Смысловые градации в рамках синонимических отношений группы слов со значением «непроверенная, недостоверная информация» /

Д. В. Шейко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 221–226 (0,4 п.л.)

3. Шейко, Д. В. Особенности пространственно-временной семантики адъективных сочетаний лексики «сплетня» / Д. В. Шейко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 6 (84). – Ч. 2. – С. 407–411 (0,5 п.л.)

Статьи в других научных изданиях:

4. Шейко, Д. В. Функционирование лексики сплетня в русской литературе (на материале поэтических произведений первой половины XIX века) / Д. В. Шейко // «Университетская наука – региону»: материалы 1-й ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, 4–26 апреля 2013 г.). – Ставрополь: ТЭСЭРА, 2013. – Ч. 1. – С. 510–513 (0,2 п.л.)
5. Шейко, Д. В. Сплетня как фрейм-сценарий (на материале произведений Н.В. Гоголя) / Д. В. Шейко // Рефлексия. – 2013. – №1. – С. 3–5 (0,3 п.л.)
6. Шейко, Д. В., Грязнова В. М. Функционирование лексики «сплетня» в текстах русской литературы XIX века / Д. В. Шейко, В. М. Грязнова // Актуальные проблемы науки: материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции (с международным участием) (Нефтекамск, 05 декабря 2014 г.). – Нефтекамск: Наука и образование, 2014. – С. 71–75 (0,3 п.л.)
7. Шейко, Д. В. О фиксации лексики «сплетня» в толковых словарях XVIII–XX вв. / Д. В. Шейко // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: материалы Всероссийской молодежной конференции (Таганрог, 15-17 октября 2014 г.). – Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова, 2014. – Ч. 2. – С. 133–136 (0,3 п.л.)
8. Шейко, Д. В. Феномен «сплетня» как десемантизированный текст / Д. В. Шейко // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы XIV международной научно-практической

- конференции (Санкт-Петербург, 16 июня 2016 г.). – СПб.: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего», 2016. – Т. 3. – С. 116–119 (0,3 п.л.)
9. Шейко, Д. В. К вопросу о современном осмыслении категории «значение» / Д. В. Шейко // European research: сборник статей международной научно-практической конференции (Пенза, 05 июля 2016 г.). – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2016. – С. 83–92 (0,5 п.л.)
10. Шейко, Д. В. Образный компонент в структуре лексического значения лексемы «сплетня» / Д. В. Шейко // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – Вып. 14. – С. 347–353 (0,4 п.л.)
11. Шейко, Д. В. Феномен «сплетня» и «слух» как механизмы социальной коммуникации / Д. В. Шейко // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – Вып. 15. – С. 214–223 (0,5 п.л.)